

Алтай Аманжолов

ДРЕВНЯЯ АЛФАВИТНАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ ТЮРКСКОГО МИРА

Древнетюркская руническая письменность (тюркская руника) Южной Сибири, Монголии, Средней Азии и Казахстана является исключительно ценным источником для истории тюркских языков и их носителей. Регионы распространения и хронологические рамки древнетюркской письменности так или иначе соотносятся с древнетюркской государственностью VI-X вв. Вместе с тем истоки этого процесса уходят значительно глубже. В книге доктора филологических наук, профессора Алтая Сарсеновича Аманжолова «Древняя алфавитная письменность тюркского мира» на уточненном материале исследуется тюркская руническая графика, дается всесторонний анализ эпиграфических находок на территории Казахстана, приводятся наблюдения по ранним типам письма и выдвигается принципиально новая трактовка генезиса тюркского рунического алфавита.

Общепризнано, что алфавитное или буквенно-звуковое письмо относится к величайшим достижениям мировой культуры. Поэтому вопрос о путях и времени возникновения первой алфавитной письменности у древних тюркоязычных племен Саяно-Алтайского нагорья и Тянь-Шаня, засвидетельствованной текстами на тюркском руническом алфавите, тесно связан с историей общественного и культурного развития этих племен. В рунической надписи на «Селенгинском камне» из Монголии (середина VIII в.) уйгурский хан Моюн-Чур называет свои письмены и знаки «тысячелетними и бесчисленнодневными».

«Свои тысячелетние и бесчисленнодневные (вечные) письмены и знаки я там велел врезать на плоском камне». Может быть, это и есть указание на очень давнюю, письменную традицию тюркского языкового мира. Так или иначе, существование алфавитной письменности у раннекочевых племен Южной Сибири и Казахстана документально подтверждается в настоящее время двумя прото тюркскими руническими надписями из захоронений V-IV вв. до н. э. — см. главу V и VI, а также наши статьи «Еще раз об иртышской рунической надписи» и «Руноподобная надпись из сакского захоронения близ Алма-Аты» («Вестник АН КазССР», № 9, 1967; № 12, 1971).

Таинственные «рунические» письмены, высеченные на камнях Енисея и внешне похожие на скандинавские руны, обратили на себя внимание европейских ученых еще в XVII-XVIII вв. Постепенно число таких находок росло, но только в конце XIX в. выяснилось, что язык енисейских надписей древнетюркский, и было установлено звучание почти всех знаков тюркского рунического письма (знаки, как правило, читаются справа налево).

В 1889 г. русский этнограф Н.М. Ядринцев открыл в Монголии в бассейне р. Орхон два больших мраморных обелиска с двуязычными надписями — памятники в честь Бильге-кагана (735 г.) и его младшего брата Кюльтегина (732 г.). С одной стороны памятников были высечены китайские иероглифы, а с трех других сторон — рунические письмены, сходные с «енисейскими» и названные по месту наход-

дения «орхонскими»). Два года спустя в 1891 г. неутомимый Н.М. Ядринцев, будучи участником российской научной экспедиции под руководством В.В. Радлова, обнаружил третий, скрывааемый монгольскими властями орхонский обелиск с руническими письменами – Онгинский памятник (начало VIII в.). Китайские тексты ускорили дешифровку тюркских рун.

Стараниями финских и российских ученых были изданы сводные атласы с фотоснимками и эстампажами енисейских и орхонских надписей. Наконец, 25 ноября 1893 г. датскому языковеду В. Томсену удалось в основном расшифровать орхоно-енисейский рунический алфавит, а затем совместными усилиями тюркологов многие надписи были прочитаны. Древнетюркские надписи памятников Бильге-кагану (Могилян-хану) и Кюльтегину были впервые прочитаны и переведены на немецкий язык В.В. Радловым, затем переведены с немецкого на русский язык П.М. Мелиоранским.

В дальнейшем вплоть до недавнего времени было открыто и издано еще несколько десятков тюркских рунических надписей на камне – в Монголии (в бассейнах Селенги, Толы – притока Орхона, в Монгольском Алтае, Гоби), в Сибири (в верховьях Енисея и в Минусинской котловине, в Горном Алтае, в Прибайкалье, на Лене), в Семиречье (в долине р. Талас и у Иссык-Куля). Тюркские руны нередко представлены на золотых и серебряных предметах из курганов в Хакасии и на Алтае, на бронзовых зеркалах и монетах из коллекции Минусинского музея.

Бумажные фрагменты с тюркскими руническими письменами шаманского, манихейского, буддийского и юридического содержания (VIII-X вв.) были найдены в Восточном Туркестане.

К ранним формам тюркской руники относится, вероятно, надпись на деревянной палочке из долины Таласа. Загадочный руноподобный текст, написанный тушью на тонкой коже, обнаружен среди согдийских документов на горе Муг в верховьях Зеравшана.

Краткие рунические надписи на глиняных сосудах-хумах встретились в Фергане, а также на хуме из городища Кой-Крылган-Кала (IV-III вв. до н. э.) на Амударье.

Попытки составления аннотированного указателя тюркской рунической письменности азиатского ареала были ранее предприняты А.С. Аманжоловым и Д.Д. Васильевым. Ныне они нуждаются в существенных поправках и дополнениях благодаря новым эпиграфическим находкам (отчасти в Казахстане).

На территории Казахстана к настоящему времени выявлено около тридцати тюркских рунических надписей, однако не все надписи опубликованы. Например, в бассейне р. Талас (Казахстан) обнаружено пять рунических надписей, одна из них остается непрочитанной. Это – наскальная надпись из местности Чагар Могол в Таласском Алатау (Южно-Казахстанская область), опубликованная А.Н. Бернштамом в 1958 г. в XII выпуске «Эпиграфики Востока». Позднее удалось прочитать тюркскую руническую надпись на каменной плите (Жамбыльская область). В 1976 г. нами были выявлены и прочитаны две тюркские рунические надписи из городища Атлах (Жамбыльская область) – на подвесной каменной печати правителя данной местности и на половинке каменного диска.

Несколько тюркских рунических надписей выявлено на различных глиняных предметах из древних городищ долины Сырдарьи (Южно-Казахстанская область). Три наскальные рунические надписи обнаружены нами в 1964 г. в бассейне р. Или (Уйгурский район Алматинской области). Содержание надписей – охотничья магия. Руническая надпись прочитана на бронзовом перстне из древнего погребения, вскрытого К.М. Байпаковым в 1969 г. (Илийский район Алматинской области).

Два бронзовых зеркала с тюркскими руническими надписями обнаружены в Восточном Казахстане, а точнее – в Урджарском районе б. Семипалатинской области (случайная находка 1935 г., ныне хранится в Государственном Эрмитаже) и в Шемонаихинском районе Восточно-Казахстанской области (раскопки 1969 г.

под руководством археолога Ф.Х. Арслановой). Первую надпись опубликовал в 1948 г. во II выпуске «Эпиграфики Востока» известный археолог А.Н. Бернштам, правда, без перевода. Надпись выгравирована на китайском зеркале Танского времени, все буквенные знаки надписи – типично орхоно-енисейские. Вторую надпись (на зеркале местного производства из Зевакинского кургана IX-X вв.) опубликовали в 1973 г. Ф.Х. Арсланова и С.Г. Кляшторный.

В Прииртышье встречаются также наскальные рунические надписи. Например, надпись из Жарминского района б. Семипалатинской области (находка 1983 г.) и надпись из Маркакольского района Восточно-Казахстанской области (находка 1985 г.). Подвесная каменная печать с тюркской рунической надписью найдена в Курчумском районе Восточно-Казахстанской области.

Интересна судьба серебряного браслета с рунической надписью из Павлодарской области (находка 1986 г.). Примечателен сам факт, что именно на Иртыше серебряный браслет с рунической надписью передавался из поколения в поколение (от бабушки к внучке), подтверждая древнюю казахскую традицию.

Две тюркские рунические надписи на металлических предметах (бронзовое зеркало, серебряное сасанидское блюдо) из Западного Казахстана выявлены и прочитаны нами в 1985 г. при осмотре хранилища Центрального музея Казахстана. Предметы найдены в начале XX в. в бассейне р. Яик (Урал) при раскопках, которые проводила Оренбургская архивная комиссия (И.А. Кастанье) на территории нынешних Актюбинской и Западно-Казахстанской областей. Руническую надпись на серебряном сасанидском блюде правомерно соотнести по времени с расцветом древнетюркской державы (конец VI – начало VII в.), что позволяет, наконец, отклонить упорно навязываемое мнение о том, что древнетюркская руническая письменность возникла лишь во Втором тюркском каганате (682-745 гг.). Об этом нами было доложено на международной тюркологической конференции, посвященной столетию дешифровки орхоно-енисейского алфавита (Анкара – Стамбул, декабрь 1993 г.).

Таким образом, в научный оборот включаются иртышские, илийские, сырдарьинские и яикские (уральские) рунические надписи. Новые эпиграфические находки значительно расширяют прежние представления о древнетюркской эпиграфике Казахстана и позволяют по-новому взглянуть на многие нерешенные проблемы истории древнетюркской письменности.

К сожалению, прошлая деятельность эпиграфической экспедиции при Институте языкознания Академии наук Казахстана, отраженная в ряде статей и в сборнике «Эпиграфика Казахстана» (Алма-Ата, 1971), оказалась малорезультативной и вызвала справедливые нарекания специалистов. Заключительным аккордом упомянутой экспедиции стала находка в 1973 г. близ Алма-Аты так называемого «Пробного камня» или «Камя преткновения», когда ученые-тюркологи (С.К. Кенесбаев, А.Т. Кайдаров, Г.Г. Мусабаев) приняли за подлинную бутафорскую руническую надпись, изготовленную для кинофильма «Кыз Жибек», и тем самым уронили престиж академической науки, о чем и было вынесено соответствующее постановление Президиума Академии наук Казахской ССР.

Работа по выявлению и изучению древнетюркских рунических надписей на территории Казахстана, несомненно, будет продолжена. Залогом успехов в этом направлении должно стать формирование высококвалифицированных научных кадров, создание в Казахстане солидной научной школы по древнетюркской тематике, искоренение невежества и дилетантизма в науке.

Регионы распространения и хронологические рамки древнетюркской письменности так или иначе соотносятся с древнетюркской государственностью VI-X вв. Вместе с тем истоки этого процесса уходят значительно глубже. Как показали наши исследования, об этом определенно свидетельствуют прототюркские рунические надписи – эпиграфические памятники ранних кочевников в долинах Иртыша и Или.

Установить конкретную родоплеменную принадлежность и хронологию тех или иных памятников тюркского рунического письма азиатского ареала, за исключением династийных орхонских эпитафий VIII в., довольно трудно.

В Семиречье в долине р. Талас известны в настоящее время около двадцати тюркских рунических надписей, однако ни одна из них не датирована. Условно их можно отнести (частично) к V-VIII вв. Вместе с тем высказывалось предположение, что таласские памятники принадлежат исконным тюркоязычным обитателям этой территории – канглы. Этот древнетюркский этноним (слово qahli имело также нарицательное значение «телега, колесница») отражен, по-видимому, в транскрипции «кангюй» или «канцзюй» из китайских источников.

Из современных исследователей С.Г. Кляшторный называет временем создания таласских надписей 716-739 гг., т. е. завершающий период существования Тюркешского каганата в Семиречье и на Тянь-Шане, а И.Л. Кызласов возражает ему на зыбком основании «наибольшей вероятности отнесения таласских надписей к IX-X вв.» и связывает их с карлуками (собственно говоря, с Карлукским каганатом).

Стремясь обосновать возникновение рунической письменности первоначально на Енисее, И.А. Батманов связывал происхождение таласского рунического письма с передвижением енисейских племен. «Вместе с тем наличие в Таласе памятников енисейского типа говорит о давних культурных и этнических связях древнего населения Верхнего Енисея и Тянь-Шаня (передвижение древних кыргызов или других тюркоязычных племен)».

Содержание той или иной тюркоязычной рунической надписи долины Енисея иногда подсказывает нам приблизительную дату ее написания. Например, в одной эпитафии на стеле, обнаруженной недавно в Туве, упомянут какой-то «уйгурский хан». Следовательно, время написания эпитафии относится к периоду существования уйгурского ханства (745-840 гг.), которое покорило на Енисее чиков и кыргызов.

Вместе с тем некоторые хронологически неопределенные енисейские надписи могут оказаться значительно старше надписей VIII-IX вв. Случайно ли некоторые рунические надписи-эпитафии представлены на рыбообразных стелах или «оленных камнях» Тувы? Эти стелы являлись, по-видимому, посмертными памятниками VII-IV вв. до н. э. Конечно, не исключена вероятность повторного использования отдельных рыбообразных стел для древнетюркских эпитафий, но это все равно говорит об этнической преемственности. Что же касается аналогичного памятника с р. Уюк-Туран (Е 3), который мы имели возможность осмотреть в 1969 г. в Кызыле, то складывается впечатление о композиционном единстве рунической эпитафии и замечательных изображений лошадей, кабанов и оленей на этой огромной каменной рыбе. Такое единство не может быть случайным, а значит, начало раннетюркской письменности на Енисее фиксируется, по всей вероятности, скифским временем.

Благодаря археологическим изысканиям Ю. Аспелина, ранее складывалось мнение, что енисейские надписи на стелах относятся в основном к гуннской этнической традиции и датируются началом нашей эры. В.В. Радлов, в свою очередь, также находил возможным отождествить письмо гуннов, упоминаемое в китайских хрониках, с тюркским руническим алфавитом. Затем это мнение становится одиозным, так как возобладала концепция о более позднем происхождении тюркских рун.

С.Е. Малов связывал енисейские памятники с древними кыргызами (кстати, название «кыргыз» почему-то ни разу не встретилось в этих текстах) и с предками тувинцев, тофаларов (карагасов) и других тюркоязычных народностей Южной Сибири, а всю енисейскую рунику ориентировочно датировал V-X (XI) вв. Попытка археолога Л.Р. Кызласова пододвинуть эту письменность к VII-XII вв. вызвала серьезные возражения И. А. Батманова.

Что касается недешифрованных и недатированных «южноенисейских руни-

ческих надписей», отличающихся своеобразием графических знаков (например, надпись на пряслице Минусинского музея, надписи на, возможно, повторно использованных стелах могильника Эдегей VII-III вв. до н. э.), то попытка источниковеда-палеографа И.Л. Кызласова отнести эти надписи к VIII-X вв. решительно ничего не доказывает из-за своей безрезультатности.

Тюркская руника, надо полагать, широко употреблялась в древнетюркских (раннесредневековых) государствах VI-X вв. В них была распространена грамотность, высокого развития достиг письменно-литературный язык, иначе именуемый «древнетюркским языком». По отношению к территории Казахстана это прежде всего Первый тюркский каганат (552-630 гг.), Западно-тюркский, Тюркешский и Карлукский каганаты, позже Кимацкое государство IX-X вв.

Древние тюрки в середине VI в. создали на Алтае мощное государство, с расширением последнего ставка тюркского кагана (верховного хана) была перенесена с Иртыша на Орхон. В это объединение входили различные племена – кыпчаки, огузы, карлуки, ягма, уйгуры, татары, курыканы, тюркешы, кыргызы, чики, басмылы и др. Слово *türk* как обозначение правящей этнополитической группировки в государстве дало название Тюркскому каганату (этимология названия «тюрк» предлагается ниже).

К 70-м годам VI в. Первый тюркский каганат распространял свою власть на значительной территории от Саяно-Алтайского нагорья на севере до Тянь-Шаня и Согда на юге, от Черного и Каспийского морей на западе до Великой Китайской стены на востоке. В это же время тюркская династия официально принимает буддизм. В 581 г. тюркское военно-племенное объединение распалось на две части – восточную и западную. Отмечается воссоединение каганата в 593 г. и новое разделение в 604 г.

Западнотюркский каганат (ставка хана – на р. Чу в Семиречье) составили пять племен дулу и пять племен нушиби. Это так называемый «десятистрельный», точнее «десятиплеменный» народ орхонских текстов (on uq bodunı). Ослабленный постоянной междоусобицей Западнотюркский каганат все больше и больше дробился. После 704 г., когда был убит последний хан из династии западных тюрков, в государстве возвышаются тюркешы.

Восточнотюркский каганат со ставкой хана на р. Орхон в Монголии просуществовал до середины VIII в., в 630-681 гг. он подчинялся китайским императорам династии Тан, затем снова обрел независимость. Последний период существования каганата освещен в орхонских текстах (сообщения китайских хроник и орхонских рунических надписей об этом периоде согласуются).

В середине VIII в. на месте Восточнотюркского каганата возникает Уйгурский каганат (745-840 гг.), в котором официально утвердилась манихейская вера. В это объединение, как сообщается в руническом тексте памятника уйгурского хана Моюн-Чура («Селенгинский камень», около 759 г.), первоначально вошли три племена карлуков (iŋ qarluq) и девять племен огузов (toquz oYuz). Вскоре карлуки вышли из подчинения уйгурам и заняли территорию «десяти племен» (on uq), т. е. Западнотюркского каганата.

В 840 г. уйгурское ханство было разбито кыргызами, жившими в бассейне среднего Енисея. Китайская хроника «Таншу» отмечает общность языка и письменности у кыргызов (хягас) и уйгуров (хойху): «Письмо их и язык совершенно схожи с хойхускими». Кыргызское ханство объединило предков хакасов, тувинцев, тофаларов и других тюрков Южной Сибири (примечательно, что у тувинцев сохранились родовые названия *кыргыс* и *уйгур*, у хакасов, шорцев, алтайцев – название *кыргыс*). Восточными соседями кыргызов были трехплеменные курыканы (iŋ qarıqan) у озера Байкал, чики в верховьях Енисея и дубо.

Наиболее поздние из енисейских рунических памятников, как отмечалось выше, можно отнести к VIII-XI вв., но их родоплеменная принадлежность еще не установлена.

Около десяти рунических надписей найдено в западном Прибайкалье (две надписи на каменноугольных пряслицах для веретена, остальные – на скалах) и в Центральной Якутии на р. Лене. Самая северная руническая надпись на скале находится у с. Петровского, в 200 км от г. Якутска. А.П. Окладников связывает эти байкальские и ленские надписи с южными предками якутов – курьканями (VI-X вв.).

С.В. Киселев считал возможным допустить наличие рунической письменности у карлуков – древних обитателей Западного Алтая и Тарбагатай.

Учитывая общую историческую обстановку древнетюркской эпохи, связанной со становлением феодальных отношений и складыванием народностей у тюркоязычных племен, лучше пока воздержаться от поспешных выводов в определении родоплеменной принадлежности отдельных недатированных памятников древнетюркской письменности. Мало оснований и для того, чтобы по одному только названию сблизать древние языки (диалекты) тюркских племен и племенных союзов с современными общенародными и национальными тюркскими языками. Языковые особенности древнетюркских памятников в известной мере отражают давно пройденный этап развития всех живых тюркских языков, поэтому трудно согласиться с односторонними попытками отнести некоторые рунические памятники к истории исключительно одного какого-либо современного языка.

Вслед за рунической письменностью во второй половине I тысячелетия н. э. у тюркоязычных племен Средней Азии и Восточного Туркестана распространялась манихейская письменность, возникшая из сирийского письма «эстрангело» христиан-несторианцев, и согдийская письменность. В.В. Радлов полагал, что древнейший тюркский перевод «Покаянной молитвы манихейцев» (Chuastuanift) на манихейском алфавите сделан в Семиречье около V в. н. э. (до нас дошли рукописи на манихейском и так называемом уйгурском алфавитах).

В Монголии на Бугутской стеле-памятнике тюркской династии Ашина (начало 80-х годов VI в.) представлены согдийская надпись и санскритская надпись письмом брахми. На Сэврэйской стеле-памятнике уйгурской династии выбиты тюркская руническая и согдийская надписи (посвящены походу 762 г. в Китай). Интересен трехязычный древнеуйгурский памятник из Кара-балгасуна на Орхоне (795 г.), имеющий тюркскую руническую, китайскую и согдийскую надписи, где говорится о борьбе уйгуров с карлуками и тибетцами и о принятии манихейства.

Переработкой новосогдийского письма применительно к тюркским наречиям, в основном к языку уйгурского каганата, в VIII в. явилось «уйгурское письмо». Расцвет уйгурской письменности в Средней Азии и Восточном Туркестане относится к VIII-XIII вв., в дальнейшем уйгурское письмо применялось в канцеляриях Тимуридов и золотоордынских ханов (XIV-XV вв.), этим письмом переписано в 1439 г. в Герате этико-поэтическое сочинение «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского (начато в Баласагуне и закончено в Кашгаре в 1069 г.). В буддийских монастырях Центрального Китая уйгурское письмо просуществовало вплоть до начала XVIII в.

Вместе с религией буддизма к тюркоязычным племенам в VIII-X вв. проникали также древнеиндийское письмо «брахми» (в переводах на тюркский санскритских текстов) и его видоизменение – тибетское письмо.

С распространением ислама у тюркоязычных племен и народностей Туркестана появляется арабский алфавит, который постепенно сменил у них все остальные виды письма, а в XX в. почти повсеместно уступил свои позиции латинскому и русскому кириллическому алфавитам. Наиболее старый тюркоязычный памятник арабского письма – уже упомянутое сочинение «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского (XI в.). Наманганская и каирская рукописи этого сочинения на арабском алфавите относятся, вероятно, к XII-XIII вв. Несколькими годами позже был написан на арабском языке выдающийся тюркологический труд Махмуда

Кашгарского «Диван лугат ат-тюрк» (1072-1074 гг.), известный по единственной рукописи 1266 г.

Таким образом, мы имели возможность убедиться, что тюркоязычные народности и их языки имеют весьма древнюю письменную традицию, восходящую, по крайней мере, к рубежу нашей эры. В процессе исторического развития у тюркоязычных народностей сменилось немало письменностей, иногда письменная традиция по каким-либо социально-экономическим и политическим причинам временно прерывалась. Тем очевидней условный и ненаучный характер деления живых тюркских языков на «старописьменные» и «младописьменные», предложенного некоторыми языковедами без учета истории письменности. Во-первых, история не знает ни одного народа, каким бы «примитивным», так сказать, он ни был, у которого бы не было письма в какой-либо форме. Во-вторых, тюркские языки, отнесенные к «младописьменным» (тувинский, хакасский, алтайский, якутский, чувашский, башкирский, каракалпакский, ногайский, кумыкский и другие языки автономных республик и областей), имеют не меньшее отношение к древнетюркской рунической письменности, чем «старописьменные», к которым эти языковеды причисляют и киргизский язык как язык союзной (ныне независимой) республики. Заметим, что конъюнктурная установка официальной советской науки относительно «старописьменных» и «младописьменных» тюркских языков была подвергнута нами своевременной печатной критике. В конечном счете почти все современные тюркские языки являются «младописьменными» по отношению к латинскому и русскому кириллическому алфавитам, независимо от масштаба их современных общественных функций.

Со времени дешифровки В. Томсеном в 1893 г. древнетюркского рунического (орхоно-енисейского) алфавита несколько поколений тюркологов занималось исследованием все возрастающего количества письменных памятников VI-X вв. из Центральной Азии и сопредельных регионов. Здесь к настоящему времени обнаружено около трехсот древнетюркских рунических надписей. Несмотря на значительные успехи, остаются трудные, спорные места в чтении, переводе и интерпретации не только вновь найденных, но и неоднократно изучавшихся орхоно-енисейских надписей.

Большинство прежних публикаций древнетюркских рунических памятников уже не удовлетворяют требованиям тщательного научного анализа, имеют некоторые (порой досадные) отклонения от оригинала. Отсюда происходят многочисленные ошибки и натяжки в лингвистической и, тем более, в историко-культурной интерпретации древнетюркских текстов. При этом у специалистов часто возникает острая необходимость визуальной сверки ранее изданных (в частности енисейских и таласских надписей) с оригиналами, находящимися сейчас в различных музеях или местах обнаружения.

Новое, точечное издание древнетюркских рунических надписей является необходимым условием дальнейшего лингвистического, литературоведческого и историко-культурного изучения данных надписей.

В 1969-1972 гг. нами была проделана довольно кропотливая работа по визуальному изучению, выявлению графических особенностей, заново выверенному чтению и копированию более 50 енисейских рунических надписей, хранящихся в краеведческих музеях Минусинска, Абакана и Кызыла. В дальнейшем работа по детальному обследованию енисейских надписей на месте была продолжена в 1974-1977 гг. Д.Д. Васильевым и в 1987-1996 гг. И.В. Кормушиным. Оба наших последователя получили возможность ознакомиться с нашими прорисовками надписей, уточненным чтением и переводом по тексту докторской диссертации еще в 1975 г., а также по отдельным нашим публикациям 1974-1981 гг.

Ранее изданные таласские рунические надписи были нами тщательно сверены с оригиналами в 1970-1980 гг. в Государственном Эрмитаже Ленинграда (Санкт-Петербург) и в 1976 г. в Историческом музее г. Фрунзе (Бишкек) после

обследования Таласской долины. Некоторые уточненные прорисовки таласских надписей приведены в нашей брошюре «Тюркская руническая графика», ч. II (Алма-Ата, 1981).

В составленном нами сборнике «Орхонские надписи» (Семипалатинск, 2001) содержатся ранее опубликованные материалы и проблемные исследования. Сборник предваряет собой новое, академическое издание Атласа орхонских рунических надписей. Над подготовкой нового, дополненного Атласа, уточненных текстов и их переводов давно работают ученые-тюркологи разных стран – России, Турции и Казахстана.

После экспедиционной поездки ученых Казахстана в Монголию (июль 1997 г.) нами была разработана новая научная программа по теме: «Историко-лингвистические исследования древнетюркских памятников». Древнетюркские письменные памятники являются важными свидетельствами высокого уровня языковой культуры и государственности далеких предков тюркских народов вообще, казахского народа в частности. В связи с этим приобретают особое значение исследования древнетюркского языка и письменности, историко-культурных и этнополитических процессов древнетюркской эпохи.

Корпус тюркской руники (научная перспектива на ближайшее будущее) должен непременно учитывать все выявленные закономерности тюркской рунической графики. В целом тексты таласских и енисейских памятников были многократно сверены автором по оригиналам, тексты орхонских памятников – по фотоснимкам и частично по оригиналам.

Приведем пример сделанного нами нового, уточненного перевода древнетюркского текста «Памятника в честь Тоньюкука» (Монголия, р. Тола – приток Орхона, III в.).

(1) Сам я, мудрый Тоньюкук, получил воспитание табгачского государства. Тюркский народ был в подчинении у табгачей (китайцев).

(2) Тюркский народ, не имея своего хана, отделился от табгачей и обзавелся ханом. Оставив своего хана, он снова подчинился табгачам. Небо, по существу, сказало так: «Я дало (тебе) хана.

(3) Ты же, оставив своего хана, подчинился (табгачам)». Из-за этого подчинения Небо ведь сказало: «Погибай!» Тюркский народ умирал, погибал, исчезал. На земле народа тюрков-«сиров» (точнее: тюрков-эсиров «орлов»)

(4) не осталось (никакого) племени. Оставшиеся среди зарослей и скал, собравшись, составили семьсот (человек). Две части из них были конными, а одна часть была пешей. Из тех, кто вел семьсот людей,

(5) старший был шадом. Он сказал: «Приблизься!» Его приближенным был я, мудрый Тоньюкук. «Не выдвинуть ли мне его каганом?» – говорил я (сам себе). Я размышлял: «Хотя он издалека (вообще) знает, что имеет и тощих быков, и жирных быков,

(6) он не знает (где именно) жирный бык и (где именно) тощий бык», – так я размышлял. Затем, так как Небо даровало мне знания, я сам же выдвинул (его) каганом. (Он же сказал:) «С мудрым Тоньюкуком, бойла-бага-тарканом,

(7) да буду я Эльтериш-каганом!» Он весьма много поразил на юге табгачей, на востоке (впереди) – киданей, на севере – огузов. Я посчитал (букв.: увидел) его наперсником знания и наперсником славы.

Мы обитали в северной части Чугая и Каракумах (Хэйша «черные пески», между Иньшанем и Хангаем).

(8) Мы жили (там), питаюсь оленями и питаюсь зайцами. Горло народа было сыто. Наши враги вокруг предоставляли очаги, мы (же) отворачивались от пищи. (Когда) так проживали, от могущественных огузов пришел лазутчик.

(9) Слова лазутчика таковы: «Над народом токуз-огузов воссел каган, – говорит (соглядатай), – он послал к табгачам Куны-сенгуна, к киданям по-

слал Тонгра-Сема. Послал с такими словами: совсем малочисленный тюркский народ,

(10) (но) каган его – герой, а советник у него мудрый. Пока существуют эти два человека, они могут погубить тебя, (кагана) табгачей, на востоке они могут погубить киданей и меня, (кагана) огузов,

(11) они тоже могут погубить, говорю я. Табгачи – нападайте с юга, кидане – нападайте с востока, я же нападусь с севера! Да не ходит (какой-то) властитель в земле народа тюрков-сиров (эсиров)! Если сможем, давайте уничтожим (этого) властителя! –

(12) говорю я». Услышав эти слова, ночью у меня не было сна, а днем покоя. Затем я обратился с просьбой к кагану. Я так просил: если эти трое – табгачи, огузы и кидане объединятся,

(13) мы можем остаться (в затруднительном положении) как бы предоставленные самим себе. Тонкое легко быстро скомкать (собрать), узкое легко быстро разорвать. Если тонкое становится массивным, (его) трудно будет скомкать (собрать). Если узкое

(14) становится толстым в объёме, (его) трудно будет разорвать. Мы должны с двумя-тремя тысячами нашего войска прийти раньше (опередить) киданей на востоке, табгачей на юге, западных (тюрков) на западе, огузов на севере. Есть ли что (против этого)? Так я просил (кагана).

(15) Мой каган выслушал просьбу, изложенную мною самим, мудрым Тоньюкуком. Он сказал: «Веди (войско) по своему усмотрению». Перейдя реку Кёк-Онг, повел (войско) к нагорью Отюкен (верховья реки Орхон, Хангайское нагорье). По реке Тогле пришли огузы с коровами и вьючным скотом.

(16) У них было три тысячи войска, нас было две тысячи. Мы сразились. Небо соблаговолило, и мы рассеяли (их). Они попадали в реку, а (некоторые) еще погибли по пути преследования. После этого огузы все вместе пришли (т. е. подчинились нам).

(17) Как только я привел тюркский народ в местность Отюкен, пришли к нам южные народы, западные, северные и восточные народы, услышав, что я сам, мудрый Тоньюкук, избрал местом жительства землю Отюкен.

(18) Нас было две тысячи, мы стали двумя (отрядами) войск. Тюркский народ и тюркский каган со времени своего правления не доходили до городов Шантунга (Шаньдунская провинция) и до океана. Я попросил своего кагана и двинул войска.

(19) Я довел (войска) до городов Шантунга и до океана. Они разрушили двадцать три города и остались жить в земле Усын-Бунтату (вероятно, Ордос, излучина р. Хуанхэ, где издавна жили тюркоязычные племена, например, усунь и хунны, позднее тюрки-ашина). Каган табгачей был нашим врагом. Каган (народа) «десяти племен» был нашим врагом.

(20) Более того, нашим врагом был кыргызский сильный каган. Эти три кагана, рассудив, решили соединиться на Алтунском нагорье (Алтай). Они рассудили так: «Да отправимся мы в поход на восток против тюркского кагана. Если мы не пойдём походом против него, как бы то ни было, он нас (победит),

(21) каган его (т.е. тюркского народа) – герой, а советник его мудрый, как бы то ни было, он, пожалуй, может нас погубить. Давайте, объединившись втроем, отправимся в поход и совершенно уничтожим его!» – сказали они. Тюркешский каган сказал так: «Мой народ там пребывает.

(22) Тюркский народ (находится) в смятении. Огузы его также находятся в рассеянии», – сказал он. Услышав эти его слова, я даже ночью не мог спать, (а днем) я не находил покоя. Тогда я поразмыслил...

(23) «Лучше отправимся в поход (сначала против кыргызов)!» – сказал я. Когда я услышал, что дорога на Когмен (Саяны) единственная и она завалена (снегом), я решил, что идти этой дорогой не годится... Я искал знатока той местности и нашел человека из степных азов.

(24) «Азская земля – моя родина, ее зна(ю)», – сказал он. Якобы (там) было его местожительство (~стоянка), он отправлялся по (реке) Аны, там останавливался на отдых и отправлялся одноконной (однопутной) дорогой. (Поэтому) я сказал, что той дорогой идти можно. Я задумался, и моего кагана

(25) я просил. Я велел двинуться войску и отправляться в поход. Переправясь через Ак-Термель, я приказал остановиться лагерем. Приказав сесть на лошадей, я пробил дорогу сквозь снег. Я велел подняться вверх (в горы), ведя лошадь на поводу, пешком, придерживаясь деревьев. Передние люди

(26) протоптали (снег), и мы преодолели горный перевал с зарослями и с большим трудом (букв. скатываясь) спустились. Около десяти ночей мы шли до склона (горы), обойдя преграду. Местный проводник, сбившись с пути, был зарезан. Будучи озабоченным, каган сказал: «Попробуйся ехать вскачь (рысью)!

(27) Да отправимся мы по реке Аны!» Мы пошли вниз по течению этой реки. Чтобы пересчитать (свое войско), мы приказали ему спешиться, а коней мы привязывали к зарослям. Мы мчались вскачь (рысью) и днем и ночью. На кыргызов мы попали во время (их) сна

(28) и отогнали их сон копыями. Хан их и его войско собрались. Мы сразились и победили. Хана их мы умертвили. Кыргызский народ подчинился и кланялся (повиновался) кагану. Мы вернулись, мы пришли обратно, обойдя Когменскую чернь.

(29) Мы вернулись от кыргызов. От тюркешского кагана пришел лазутчик. Его слова таковы: «Отправимся походом, – якобы сказал он (тюркешский каган), – с востока на кагана. Если мы не пойдём походом, то он нас (победит): каган его – герой, а советник его мудрый, (поэтому) как бы то ни было,

(30) он нас, возможно, погубит». Он сказал, что тюркешский каган отправился в поход, что «десятиплеменный» народ без остатка отправился в поход и что (среди них) есть войско табгачей. Услышав эти слова, мой каган сказал: «Я отправляюсь домой!

(31) Катун (ханша) умерла, я хочу совершить поминальный обряд по ней», – сказал он. «Войско, отправляйся и оставайся в Алтунской черни! Начальниками войска пусть идут Инель-каган (младший сын Капаган-кагана) и тардушский шад (Могилян)!» – сказал он. Мне же, мудрому Тоньюкуку, он сказал:

(32) «Веди это войско! Назначай наказания по своей воле! Что я (еще) тебе хотел сказать? Если кто (из врагов) придет, то будет видно, если же не придет, то оставайся, собирая различные вести!» – сказал он. Мы находились в Алтунской черни.

(33) Пришли три лазутчика, слова их одинаковы: «Их каган с войском выступил в поход»; «Войско «десяти племен» без остатка выступило в поход»; «Да соберемся мы в Ярышской степи!» Услышав эти слова, я послал эти слова кагану. От хана доставили ответное слово:

(34) «Сиди! – сказал он. – Не совершай конного набега, хорошенько держи караул, не позволяй себя раздавить!» Так велел передать мне Бёгю-каган. Апатаркану (главнокомандующему) он послал тайное известие: «Мудрый Тоньюкук – он злой и сердитый.

(35) Он может предложить выступить с войском. Не соглашайся!» Услышав эти слова, я двинул войско в поход. Мы перевалили без дороги Алтунскую чернь (Монгольский Алтай). Мы переправились без брода через реку Иртыш (р. Черный Иртыш). Мы скоротали ночь и с наступлением рассвета достигли Болчу (р. Урунгу).

(36) Привели лазутчика («языка»), слово его таково: «В Ярышской степи собралось десять тюменов войска (сто тысяч воинов)», – он говорит. Услышав эти слова, беки все вместе

(37) сказали: «Вернемся! Стыд благородных хорош!» Я же так говорю, я – мудрый Тоньюкук: «Через Алтунскую чернь перейдя, мы пришли.

(38) Через реку Иртыш переправившись, мы пришли. Они решили, что прийти к ним трудно, и они (нас) не заметили. Небо, (богиня) Умай и священная Земля-Вода (Йер-Суб), по существу, даровали нам победу (подавили врагов). Зачем нам бежать,

(39) говоря: (их) много? Зачем нам бояться, говоря: (нас) мало? Зачем нам быть покоренными? Нападем!» – сказал я. Мы напали и рассеяли (их). На второй день они пришли.

(40) Они пришли, распаяясь, как огонь (т.е. в сильной ярости). Мы сразились. По сравнению с нами их два крыла были наполовину больше (многочисленней). По милости Неба,

(41) мы не испугались их многочисленности и сразились. Тардушский шад принял участие в сражении. Мы рассеяли (врагов). Их кагана мы схватили, а их ябгу и шادا

(42) там умертвили. Около пятидесяти мужей мы пленили. В ту же ночь мы отправили (послов) к каждому народу. Услышав эти слова, начальники (беки) и народ «десяти племен» все

(43) пришли и подчинились. Пока я устраивал и собирал приходящих беков, небольшое количество народа убежало. Я повел в поход войско «десяти племен».

(44) Мы еще ходили с войском и гнали их. Переправившись через реку Жемчужную (р. Сырдарья) и пройдя мимо горы Бенглигек (Памиро-Алай, южные хребты Тянь-Шаня) – местопребывания сына Неба, Тяньцзы (китайск. tien-tsi «сын Неба»),

(45) мы преследовали (врагов) до Темир-Капыга и заставили (их) оттуда возвратиться. К Инель-кагану (пришли и покорились таким образом, народы манчуд, сака, таджики (персы), тохары...

(46) Тогда пришел находящийся справа (к югу) весь согдийский народ со шлемами на головах. В те дни тюркский народ достиг Темир-Капыга (Железных ворот)

(47) и достиг горы – местопребывания сына Неба, Тяньцзы. Там не было владыки. Так как я, мудрый Тоньюкук, довел (войско) до этой земли,

(48) то он (согдийский народ) предоставил желтое золото, белое серебро, девушек и женщин, дромадеров (одногорбых верблюдов) и драгоценности в безмерно большом количестве. Так как Эльтериш-каган был наперсником (любимцем) знания

(49) и был героем, он сражался с табгачами семнадцать раз, с киданями сражался семь раз, с огузами сражался пять раз. Тогда советником

(50) был также я, предводителем войск был также я. (Я служил) Эльтериш-кагану, ... тюркскому Бёгю-кагану (мудрому кагану), тюркскому Бильге-кагану (правящему мудрому кагану),

(51) Капаган-кагану... Ему (в 693 году) было 27 (лет). Капаган-кагана я посадил на престол. Не спав по ночам,

(52) не имея покоя днем, проливая красную свою кровь и заставляя бежать (течь) свой черный пот, я же отдавал труды и силы, я же сам направлял долгие рейды конницы.

(53) Я увеличил сторожевые посты (arqij~qarguj) и дозоры (передовое охранение). Я приводил покоренных (поверженных) врагов, и мы с моим каганом водили (их) в походы. Да будет милостиво Небо!

(54) На этот тюркский народ я не направлял вооруженных врагов и не устраивал набеги снаряженной конницы (букв.: не заставлял бегать коней с завязанными узлами, т. е. боевых коней)! Если бы Эльтериш-каган не приобретал

(55) и следом я сам не приобретал, то ни государства, ни народа бы, возможно, не существовало. Благодаря его приобретениям и следом (потом) благодаря моим собственным приобретениям,

(56) и государство стало (настоящим) государством, и народ стал (настоящим)

народом. Сам я состарился и стал старшим (великим). Если бы в какой-либо земле у народа, имеющего кагана,

(57) оказался бы (в советниках) слабоумный, то что за горе имел бы (этот народ)!

(58) Я, мудрый Тоньюкук, приказал написать (это) для государства тюркского Бильге-кагана (мудрого правящего кагана).

(59) Если бы Эльтериш-каган не приобретал или если бы его не было, если бы я сам, мудрый Тоньюкук, не приобретал или если бы меня не было,

(60) в земле Капаган-кагана и народа тюрков-«сиров» (эсиров) не было бы ни племени, ни народа, ни людей, ни владыки.

(61) Благодаря приобретениям Эльтериш-кагана и мудрого Тоньюкука, ходит вот (имеет такую силу) Капаган-каган и народ тюрков-«сиров» (эсиров).

(62) Тюркский Бильге-каган (мудрый правящий каган) возвышает народ тюрков-«сиров» (эсиров) и народ огузов.

* * *

При новом прочтении рассмотренных орхонских рунических надписей (памятник в честь Кюльтегина, Онгинский памятник, памятник Тоньюкука) по мере сил и возможностей уточнялись малопонятные, темные места прежних переводов. Учитывался также ценный опыт авторов-составителей и редакторов «Древнетюркского словаря» (Л., 1969). Полагаем, что уточненное чтение и новая редакция перевода (по существу, новый перевод) древнетюркских источников послужит основой дальнейших лингвистических, текстологических и исторических исследований.

Данные тексты отражают первоклассные образцы ораторской речи и письменно-литературного языка древних тюрков, дают конкретное представление о древнетюркской государственности и духовной культуре, о подлинных исторических событиях и этнополитических процессах древнетюркской эпохи в Центральной Азии.

Орхонские памятники (в особенности памятники Кюльтегину и Бильге-кагану, выполненные китайскими придворными мастерами) поражают искусством резьбы по камню, точностью воспроизведения рунических надписей, строгостью линий и изяществом начертаний. Вместе с тем на памятнике Кюльтегину две рунические строки правее китайской надписи выделяются «неумелым» почерком (иногда начертанием буквы $\text{᠋}b'$). В.В. Радлов об этом писал следующее (перевод П.М. Мелиоранского): «Правее китайской надписи вырезаны неумелой рукой две строки тюркского письма. Я полагаю, что эти две строки были нанесены на камень (может быть, тушью) самим ханом в честь брата и что китайский мастер вырезал их, подражая почерку хана. Иначе совсем непонятно, отчего эти строки, представляющие посвящение самого хана, вырезаны так плохо»¹.

На Онгинском памятнике, «довольно трудном для перевода и истолкования» (определение С.Е. Малова) обнаруживаются некоторые графические особенности букв для звуков b' , $g(\gamma)$, t , \dot{s} . С.Е. Малов, предложивший предварительный русский перевод памятника (имеются также первый немецкий перевод В.В. Радлова, турецкий перевод Х.Н. Оркуна, английские переводы Дж. Клосона и Т. Текина), заметил: «Буквы Онгинского памятника отличаются от букв памятников Кошо-Цайдамских (Кюльтегина и Могиляна). Эти буквы представляют, по мнению акад. В.В. Радлова, нечто среднее между буквами памятников бассейна р. Енисей и памятников долины Кошо-Цайдама»².

Эти тексты как авторские литературные произведения дают неоднозначную оценку отдельных личностей, исторических событий, народных восстаний и династийных распрей во втором Тюркском каганате (682-744 гг.).

¹ Радлов В.В., Мелиоранский П.М. Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме // Сборник трудов Орхонской экспедиции. IV. СПб., 1897. С. 10.

² Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.-Л., 1959. С. 11.

Так, например, Йоллыг-тегин, автор текста памятника Кюльтегину, от имени своего отца – «Бильге-кагана» или Могилян-хана обвиняет тюркский народ в «низости» по отношению к своему дяде, Капаган-кагану (последний, как известно, был убит при разгроме телесского, уйгурского племени байырку на р. Толе в 716 г.). Автор текста Онгинского памятника Сабра-Тамган-Чур-йога, сын Элетмиша-ябгу и, по-видимому, внук по материнской линии Капаган-кагана посвящает этот памятник своему «мудрому» и «благородному» дедушке-кагану (указана дата гибели Капаган-кагана, седьмой месяц года дракона, в действительности 22 июля 716 г.). Однако этот добрый дедушка-каган, судя по балбалу Сабра-таркана при Онгинском памятнике, оказывается, умертвил родного дядю автора надписи.

Наоборот, мудрый советник трех каганов Тоньюкук в своей надписи резко осуждает действия Капаган-кагана (Мочжо), которого он сам же посадил на престол в 693 г. Недаром он заявляет: «На этот тюркский народ я не направлял вооруженных врагов и не устраивал набеги снаряженной конницы!» Полководец Кюльтегин после смерти своего дяди Капаган-кагана перебил его незадачливых сыновей-изменников и возвел на престол законного наследника – своего старшего брата Могиляна («Бильге-кагана»). Эти факты подтверждаются китайскими источниками. «Китайские летописи отмечают жестокость Мочжо и регистрируют возмущения внутри тюркского народа, ибо китайская знать, будучи опытным и наученным стратегом, ведущим все время борьбу экономическую и просто военную с периферией, интересовалась, не без пользы для себя, внутритюркскими восстаниями»³.

Большие орхонские надписи содержат важный завет предков – призыв к межплеменному, межгосударственному единению древнетюркского этноса, созвучный справедливому стремлению наших народов к свободе и независимости. Сила единения особо подчеркнута в образной речи мудрого советника Тоньюкука: *Jujqa erklig toplayalı uçuz, jinçgä erklig üzgäli uçuz. Jujqa qalın bolsar, toplayuluq alp ermiş; jinçgä joğan bolsar, üzgülük alp ermiş*. Перевод: «Тонкое легко быстро скомкать, узкое легко быстро разорвать. Если тонкое становится массивным, его трудно будет скомкать; если узкое становится толстым, его трудно будет разорвать». Этим словам вполне соответствует русская пословица: *Веника не сломишь, а прутья все по одному переломаешь*. Ср. казахские пословицы: *Саусақ ашылса – қылдырық, Жұмылса – жұдырық* – «Разжатые пальцы – кисть, сжатые пальцы – кулак»; *Бірлігі бар елдің, Белін ешкім сындырмас* – «Никому не сломить народ, обладающий единством».

³ Бернштам А. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрков VI–VIII вв. М.-Л., 1946. С. 182.

